

УДК 334.021.1

КУДЬ Александр Александрович

Аспирант кафедры экономической теории и экономической политики,
Харьковский национальный экономический университет имени Семена
Кузнецца, г. Харьков, просп. Науки, 9-А, 61166 Украина

ORCID orcid.org/0000-0001-5753-7421

Email: Alexander.Kud@simcord.com

*Оригинал данной статьи опубликован
в журнале «Вісник Львівського університету.
Серія економічна». Выпуск 62,
на украинском языке 11.11.2022 г.
DOI: <http://dx.doi.org/10.30970/ves.2022.62.0.6204>*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ И СПОСОБОВ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. *Статья предлагает авторский ответ на вопрос о направлении трансформации экономических отношений и способов их реализации под влиянием цифровых технологий. Эта цель достигается решением двух задач: (1) обобщить существующие способы обезличивания собственности под влиянием современных информационных технологий и (2) уточнить направление изменений в двух ключевых областях обращения двух объектов существующих экономических отношений — информации и финансового и денежного капитала. Для этого использованы следующие методы исследования: диалектический метод познания, методы анализа и синтеза, метод научной абстракции, междисциплинарный подход к трансформации экономических отношений вокруг отношений собственности под углом влияний на них технологий.*

Опираясь на понимание уточненных «узких рамок» экономических отношений, автор отстаивает идею, что сегодня происходит не только масштабная цифровизация существующих экономических отношений, но и их виртуализация как через цифровые платформы и экосистемы, так и через многочисленные инвестиционные «миксеры». В современной виртуальной и трансграничной финансовой экономике господствует обезличенная собственность, то есть собственность неперсонифицированная. Среди объектов собственности все большую роль играют те объекты собственности, которые, во-первых, отражают правовые и институционные элементы, и, во-вторых, те, которые помогают вести хозяйственную деятельность, принимать управленческие решения и перераспределять ресурс. Делается рабочий вывод, что трансформация существующих экономических отношений по отношению к собственности под влиянием цифровых технологий связана с постепенным

процессом их индивидуализации при одновременной реализации обобществления существующих отношений в рамках развития мирового глобального хозяйства.

Определяется такое принципиальное направление трансформации экономических отношений вокруг собственности: процессы цифровизации и виртуализации экономики неизбежно и все более полно поглощают рыночные субъекты и обуславливают трансформацию экономических отношений собственности, и это является важным условием для развития постиндустриального общества в мире. В работе обобщены пять главных характеристик информации как объекта прав собственности, современного инструмента накопления богатства и даже формы богатства, которые вместе отличают информацию от остальных предыдущих доминантных благ в прошлом. Определяются два направления обособления финансового и денежного капитала как объекта собственности, глобально влияющего на современные экономические отношения, и это, наконец, позволило уточнить четыре принципиальные характеристики трансформаций в экономических отношениях собственности.

Делается важный итоговый вывод, что постепенно новым фактором общественного развития выступают виртуальные ценности и виртуальные активы. Новые конкурентные преимущества частных компаний и стран содержатся во владении ими современной виртуальной собственностью.

Ключевые слова. Экономические отношения, цифровой актив, виртуальные активы, трансформация отношений, отношения собственности, информационная экономика.

JEL: O31, O33, D83

Постановка проблемы. На протяжении последних 10–15 лет стремительное развитие технологий, глобализация и широкая цифровизация почти всех сфер жизни не только облегчили трансграничное экономическое взаимодействие, но также сформировали новые экономические и институционные феномены. Вместе они создают новые глобальные экономические тенденции и виртуальные экономики, а также цифровые экосистемы с собственными нормами права (OECD, 2020) и даже морали внутри (Misic, 2021). Сейчас активно формируется принципиально другая, новая инновационная модель мирового хозяйства, обусловленная прорывными информационными технологиями, высоким уровнем доверия и интереса миллионов лиц к себе, но в то же время она основывается на ранее уже трансформированных экономических отношениях и на принципе наличия двух сфер жизненного пространства современного субъекта экономики — реальной и виртуальной. Продолжающаяся трансформация экономических и институционных отношений между потребителями и производителями товаров и услуг способствует созданию новых условий хозяйствования, что требует выявления и обоснования как новых форм и объектов экономических отношений, так и институтов, регулирующих рынки.

Важной особенностью современной экономики является высокий динамизм и «пластичность форм в сетевой логике поведения» (National Intelligence Council (2006) : 84). Это проявляется в постоянных изменениях технологических параметров хозяйствования (Мокій та ін., 2018) (особенно — платформенная экономика как новая малоизученная разновидность рыночной экономики), в возникновении новых производств и типов бизнеса, отраслей, видов сервисов и продукции, в изменении географической и профессиональной структуры международной и национальной экономики. На самом деле распространение информационных технологий оказывает противоречивое влияние на факторы экономической неопределенности: с одной стороны, множество технологий компьютерного моделирования позволяют изучить сотни хозяйственных

ситуаций; с другой — динамика информационных потоков значительно усиливает неустойчивость и неопределенность, а значит — и экономических отношений, что наиболее наглядно проявляется в биржевой деятельности и в движении финансовых потоков. Важным следствием этого является то, что технико-технологическая разнородность (например, в сравнении традиционного «аналогового» бизнеса с бизнесом внутри больших информационных платформ), которая присуща элементам новейших производительных сил, является причиной существования и взаимодействия различных технических и социальных способов присвоения разных форм собственности и нормирования прибыли на протяжении всей «цепочки» задействованных участников. На их основе возникают и функционируют особые уклады в современной хозяйственной системе, а также целые пласты современных экономических отношений относительно распределения прав и особенно — прав на большую часть добавленной стоимости (например, акционерных прав и авторских прав) (Dunayev, Kud et al., 2021). Все это указывает на то, что современная информационная экономика характеризуется сложным переплетением функций и форм хозяйственной деятельности предприятий из очень разных секторов, которые вместе формируют и усложняют целый «клубок» сложных экономических отношений.

Анализ последних исследований. В последние годы разные аспекты из этого «клубка» экономических отношений стали объектом изучения в многочисленных экономических и междисциплинарных исследованиях по всему миру. Среди большого разнообразия таких аспектов к нашему исследованию относятся те экономические отношения, которые касаются передачи, подтверждения и/или трансформации прав собственности на имущество в условиях глобализации и виртуализации экономики и только с помощью современных цифровых технологий, в частности — с помощью цифровых решений на основе технологии блокчейн. И в этом смысле круг известных экономических и правовых публикаций значительно сужается. Так, общие рамки

трансформации экономических отношений собственности под влиянием глобализации достаточно рельефно представлены в свежих работах Д. Гладких (2019), В. Юрчишина, Н. Ожевана (2017), П. Пивовара (2021), Ж. Пизани-Ферри (2021), Дж. Стиглица (2019) и др. С точки зрения регулирования на отраслевом и микроуровне, а также внедрения новейших информационных технологий трансформация отношений собственности представлена в работах Д. Горвата и Х. Кролла (2019), Ш. Яниски-Равида (2020), а также в нескольких свежих публикациях ЮНКТАД и Организации экономического сотрудничества и развития (2020, 2021a; 2021b) и др. Тем не менее в них практически нет ответа на то, как изменялись субъект-объектные отношения собственности под влиянием того, что некоторые технологии (например, блокчейн) могут существенно сократить количество посредников в экономических отношениях, как меняется объектная характеристика собственности, какая организационная инфраструктура (цифровые платформы) с унифицированными порядками поведения внутри может и как именно влиять на это.

Цель и задачи. Целью статьи является обоснование главного направления трансформации существующих экономических отношений и способов их реализации под влиянием передовых цифровых технологий. Эта цель достигается решением двух исследовательских задач:

- 1) обобщить существующие способы обезличивания собственности под влиянием современных информационных технологий;
- 2) уточнить направление изменений в двух ключевых сферах обращения двух объектов существующих экономических отношений — информации и финансового и денежного капитала.

Методологическую основу данного исследования составляют диалектический метод познания, метод научной абстракции, методы анализа и синтеза, междисциплинарный подход к трансформации экономических отношений вокруг отношений собственности под углом влияния на них

технологий.

Основные результаты исследования. Исходным понятием данной статьи является понятие «экономические отношения». Как известно, экономические отношения — это отношения между людьми по поводу присвоения ими способов и результатов производства (Бобровская, Полянская, 2018), то есть это отношения собственности. И если это так, то институт собственности всегда находится в социуме не обособленно, а в жестком окружении определенных норм и правил, которые, соответственно, неразрывно связаны с экономическими отношениями как таковыми. Экономические отношения реализуются посредством экономического поведения субъектов, то есть через совокупность поступков и действий, направленных на удовлетворение потребностей. Это уже указывает на то, что современную трансформацию экономических отношений под влиянием цифровых технологий следует рассматривать с учетом и норм права, и институциональных неформальных норм, что и будет сделано ниже.

Выделяют две теоретические плоскости существования экономических отношений:

1) экономические отношения в узком смысле — это тип общественного производства социального и экономического характера, который состоит из экономического и социального общественного производства, содержащего все отношения, связанные с собственностью;

2) экономические отношения в широком смысле — это связи и отношения, имеющие прямую связь с производством товаров и услуг, их распределением, обменом и потреблением в обществе.

Принимается, что дальнейший акцент будет делаться на той части социально-экономических отношений, которые касаются собственности: возникновении прав на собственность на определенное имущество посредством отчуждения части производственных ресурсов (факторов труда и/или средств труда), а также переходе, подтверждении и защите прав на собственность

законным способом. И это соответствует узкому смыслу понимания экономических отношений.

Объектами экономических отношений являются экономические блага и ресурсы, в отношении которых экономические субъекты, преследующие собственные цели, осуществляют экономические действия: обмен, куплю-продажу, дарение, другие формы отчуждения или принятия. Субъектами (носителями) экономических отношений являются: покупатели, продавцы, производители товаров и услуг, потребители товаров и услуг, собственники благ, потребители благ.

Помимо масштабной цифровизации существующих экономических отношений и всей экономики происходит еще и их виртуализация как через цифровые платформы и экосистемы, так и через многочисленные инвестиционные «миксеры» (UNCTAD, 2017): инвестиционные и венчурные фонды, биржи и особенно криптовалютные биржи. Продолжающийся процесс виртуализации экономики и распространение соответствующих экономических отношений в ней формируют сегодня новый по характеру и механизмам реализации институт собственности. Среди объектов собственности (имущества в любом виде) все более значительную роль играют те объекты собственности, которые, во-первых, отображают правовые и распорядительно-институциональные элементы и, во-вторых, которые помогают или даже сами (например, системы на основе искусственного интеллекта) способны хозяйствовать, принимать управленческие решения и перераспределять ресурс (Vial, 2019). Сейчас все указывает на то, что эти продолжающиеся процессы одновременной трансформации экономических функций, статусов и существующих отношений под влиянием и цифровизации, и виртуализации будут все больше распространяться в мире.

Как известно (Лукашевич, 2009), экономическое содержание собственности раскрывается через субъект-объектные отношения, во-первых, относительно производства, распределения (перераспределения, обмена и потребления)

экономических ресурсов общества и, во-вторых, в отношении их присвоения (отчуждения), но уже всеми без исключения субъектами общественных отношений (экономических, правовых, политических и социальных).

В современной виртуальной и трансграничной финансовой экономике преобладает обезличенная собственность, то есть собственность неперсонифицированная — такая, которая легко переходит из рук в руки. В случае виртуальной экономики часто происходит отчуждение собственности от субъекта. Это связано с тем, что процесс виртуализации экономики вызывает коммерциализацию киберпространства, где функционируют виртуальные супермаркеты и виртуальные банки, оперирующие собственной виртуальной валютой (или другим аналогичным способом накопления и расчета, как это происходит в компьютерных играх), ведется виртуальный документооборот. Это способствует появлению исключительно виртуальных продуктов, виртуальных производств и заключается не в предмете, а в образе, следовательно, субъект собственности имеет дело не с физическим предметом, а с изображаемым образом.

До последнего времени такая обезличенная собственность была и остается результатом развития человеческой деятельности и общественного разделения труда. Но только индустриализация и возрастающая специализация хозяйственной деятельности придали импульс к формированию обезличенной собственности — такой собственности, которая является слабоэластичной в отношении влияния своего собственника (или субъекта) и одновременно очень чувствительной к изменениям во внешней среде. И виртуальная экономика, и международные финансовые рынки требуют значительной концентрации капитала, что возможно только с помощью его обобществления. Как следствие, степень самостоятельности и автономности принятия стратегических решений собственником уменьшается, а влияние внешней среды в лице кредиторов, пайщиков и акционеров возрастает. Кроме того, «развитие и усложнение

технологий, увеличение масштабов производства обусловили разделение капитала-функции и капитала-собственности. Формирование обезличенной собственности и форм, в которых она реализуется, определено естественным процессом развития человеческой деятельности» (Haskel & Westlake, 2018). Итак, можно сказать, что трансформация существующих экономических отношений касательно собственности под влиянием цифровых технологий и особенно — обусловленной ими же виртуальной экономики — связана с постепенным процессом их индивидуализации при одновременной реализации обобществления существующих отношений в рамках развития мирового глобального хозяйства.

В то же время следует отметить, что развитие института собственности как нематериального продукта вызвало определенные трудности в применении норм права, разработанных для материальных благ. Так, еще Рене Саватье (Savatier, 1974), рассматривая возможность изменения объектов собственности, делал акцент на почти безграничном расширении этих объектов собственности: юридико-технические абстракции потеснили телесные вещи, поскольку реальные вещи выступают в юридической жизни только при посредничестве прав, которые осуществляются в отношении этих вещей, и это права вещные или обязательственные; а это значит, что с появлением такой продажи права становятся имуществом (Kalenyuk & Tsybal, 2020). Это все происходит уже сегодня в условиях информационной и виртуальной экономики, но с использованием различных инструментов.

Хотя сейчас трудно охватить все главные особенности в развитии экономических отношений вокруг собственности, принципиальное направление их трансформации уже понятно: процессы цифровизации и виртуализации экономики неизбежно и все более полно поглощают рыночные субъекты и обуславливают трансформацию экономических отношений собственности, и это является важной предпосылкой для развития постиндустриального общества в мире. Действительно, распространение сетевой экономики через

«алгоритмизацию взаимовыгодных экономических отношений» (Шабельник, 2020) и создание всемирной информационной среды общего доступа, получившей название «виртуальное пространство», существенно изменяют вид современного общества как глобальной системы, и в частности — экономических отношений в ней. В этих обстоятельствах наблюдаются три основных процесса, которые в совокупности и составляют содержание понятия «виртуализация экономики» и в значительной степени задают достижимый периметр современной трансформации существующих экономических отношений под влиянием цифровых технологий:

1) создание виртуальных образов всех объектов и субъектов взаимодействия, а также виртуальной среды и перенесение всего информационного взаимодействия в виртуальное пространство;

2) возрастание роли информационных ресурсов в экономических процессах и превращение самой информации в технологический ресурс (Haskel & Westlake, 2018);

3) алгоритмизация существующих экономических и правовых отношений посредством трансграничных цифровых платформ, которая практически разрушает старые деловые связи (Kud, 2021) благодаря открытой инфраструктуре для своих субъектов-участников и установлению новых правил игры (Шабельник, 2020).

Известно, что распространение нового способа производства на основе той или иной прорывной технологии своего времени (ткацкий станок, паровоз, телевидение, Интернет и т. д.) вызывает не только прогрессивные изменения во всей системе производительных сил своего времени, но и даже изменение объектного содержания и субъектной специфики соответствующих существующих отношений собственности. История развития производительных сил человечества доказывает, что каждый раз роль основного регулятора объекта этих отношений переходит к некоему специфическому (для своего времени) виду производительных благ (как некий уникальный идентификатор или право на что-

либо), который, в соответствии со своим временем и ключевой технологией, становится принципиальным в системе производственных противоречий и зависимостей. Это каждый раз вызывает изменение в основном производственном отношении в зависимости от доминантного для своего времени вида благ (сейчас это информация), а задействованные участники превращаются в основных социально-экономических субъектов соответствующего способа производства и являются своеобразными «современными индикаторами» успешности общественных изменений. Собственность на другие виды благ приобретает производный и зависимый характер, а ранее преобладающий тип существующих экономических отношений или адаптируется и преодолевается (Haskel & Westlake, 2018), или просто отесняется.

Под влиянием цифровизации и виртуализации современные экономические отношения вокруг собственности со своей стороны уже начали глобально закрепляться, порождая другие важные общественно-экономические изменения. Имеются в виду изменения как самих объектов собственности и способов реализации функций собственности, увеличение количества форм собственности и их взаимозависимости (Dunayev et al., 2022; Del Giudice et al., 2019), так и структуры субъектов собственности (Krausa, 2022), поскольку известно, что форма, объекты и субъекты собственности связаны структурой экономических отношений вокруг собственности. Продолжающийся переход к информационной экономике характеризуется тем, что в связи с существенными качественными изменениями в производительных силах (прежде всего в технологиях и вызванном ими изменении в факторах производства) (IDC, 2020) существенно изменяются и объектный, и субъектный состав существующих отношений собственности. Речь идет о двух ключевых сферах обращения двух объектов существующих экономических отношений:

- 1) информация и современная сфера обращения информации и
- 2) обособленность финансового и денежного капитала и современные сферы

его обращения.

Ниже кратко охарактеризуем главные трансформации в них, обобщенное изложение которых имеет большое значение для дальнейших исследований.

Итак, что касается такого ключевого объекта существующих экономических отношений, как *информация и современная сфера ее обращения*, следует отметить, что современные экономические отношения являются объективно направленными на закрепление постиндустриальной, а в дальнейшем — информационной экономики. В них информация является не только главным ресурсом и результатом производственного процесса, но и превращается в доминантный вид блага и в объект новых экономических взаимоотношений, в частности — форм собственности. Сегодня роль собственности на информацию можно сравнить с ролью собственности на личность работника в рабовладельческом строе, на землю в феодальном строе, на машинные орудия производства в индустриальную эпоху. Как показывает опыт развития мировой экономики и существующих экономических отношений, в последние десять лет (до 2022 года включительно) ключевое значение приобретала именно финансовая информация. Вместе с распространенными негативными поведенческими паттернами (жадность, доверчивость, лень, информационное манипулирование сознанием...) финансовая информация помогала создавать новые гигантские спекулятивные «пузыри» на различных финансовых рынках (Girdzijauskas, 2009), особенно — в сегментах криптовалют и других необеспеченных виртуальных активов. В условиях, когда объем мировой торговли многочисленными финансовыми производными (свопы, фьючерсы, опционы, варранты...) и криптовалютами уже кратно превышает объем торговли реальными товарами, информация все более укрепляется как новый объект собственности и новая форма богатства. Генерация и правовая защита разного типа и разного качества информации уже стали самостоятельными видами бизнеса и неотъемлемыми факторами почти любой современной хозяйственной деятельности. Также

информация становится очень важным фактором конкурентной борьбы, выступая желанным объектом купли-продажи. Наконец, информация в обществе 21-го века — это уже базовый элемент рыночного механизма, который, наряду с ценой и полезностью, определяет оптимальное и равновесное состояния экономической системы.

Однако сейчас информация может быть объектом собственности только тогда, когда она принадлежит ограниченному кругу лиц. Если информация является объектом собственности для одновременно неограниченного круга лиц, то каждый из ее собственников владеет ею в полном объеме и в принципе может пользоваться и распоряжаться ею также в полном объеме, несмотря на интересы других. В таком случае потенциальные конфликты интересов между собственниками почти гарантированы: испытывая естественную тягу к обогащению, кто-то точно попробует первым безнаказанно использовать информацию на пользу себе или во вред другому, осознанно либо неосознанно переступая нормы этики и/или правовой системы защиты интеллектуальной собственности. В совокупности это позволяет обобщить ряд главных характеристик информации (Arrow, 1985) как объекта прав собственности, современного инструмента накопления богатства и даже формы богатства, вместе отличающих информацию от остальных предшествующих доминантных благ в прошлом. Итак:

1. Информация может не уничтожаться в процессе потребления, а также может неограниченно воспроизводиться при нулевых или минимальных трудовых, временных и финансовых затратах. И теоретически, и практически уже это свойство информации позволяет кардинально обновить существующие отношения собственности и взаимодействия между рыночными субъектами, принципиально по-иному используя системы учета информационных ресурсов, технологически защищая права интеллектуальной собственности, права доступа к различным ресурсам и т. д.

2. Вышеуказанное свойство информации как объекта собственности обуславливает противоречивость ее субъектного воплощения. Экономическая реализация собственности всегда связана с присвоением кем-либо конкретным того дохода, который возникает в результате экономического движения определенного объекта собственности, потому что иначе почти не будет экономического мотива (спроса) для движения информации в обмене на другие полезные блага.

3. Информация как объект собственности по-разному проявляет себя (а) в процессах производства новых знаний и (б) в процессах передачи новых знаний. В первом случае объектом присвоения являются сами знания (идея, ноу-хау, изобретение, произведение искусства...), а во втором — главными становятся технологические и материально-вещественные носители знаний, на которых соответствующая информация записана и которые обеспечивают простое копирование этих знаний. Следовательно, учитывая эти свойства, будут сильно отличаться и ключевые роли тех задействованных лиц, которые непосредственно будут обеспечивать реализацию того или иного свойства информации. В первом случае — это работник как производитель и/или собственник новых знаний, а во втором случае — это собственник специальной технологической инфраструктуры (носители информации) как средства хранения и санкционированной передачи информации.

4. Современная информация может обновляться так же быстро, как и устаревать. В мире сложились целые трансграничные рынки, построенные вокруг операций (продажа, анализ) только с наиболее свежей информацией, в частности аналитической, финансовой, теневой конфиденциальной информацией и т. д., а главным объектом купли-продажи является именно свежая структурированная и обработанная информация, а не другие сопутствующие бизнес-услуги от продавца.

5. Информация влияет на эффективность производства без физического увеличения других традиционных ресурсов, то есть без дополнительного и одновременного привлечения других ресурсов. Это принципиально отличает ее от других факторов производства. В таком случае преобладающим объектом влияния является субъективный фактор производства, то есть человек со своей уникальной комбинацией способностей, характера, принятых ценностей и стремлений. Ценным экономическим следствием этого является то, что информация ускоряет процесс воссоздания благодаря, во-первых, уменьшению периодов обращения и производства (Emami, 2021; Schumpeter, 1961 : 212) и, во-вторых, уменьшению транзакционных издержек во время поиска и проверки данных и намерений, что было немыслимо даже 30 лет назад, в индустриальную эпоху.

В совокупности все это означает, что изменения в существующих экономических отношениях под влиянием информатизации и цифровизации охватывают несколько этапов: от простых коммуникативных технологий, ориентированных на повышение эффективности коммуникаций между привлеченными субъектами, до новейших информационных технологий, которые преобразовали и сейчас преобразовывают информационный ресурс в производственный фактор с последующей его виртуализацией. В последнем случае рыночная практика значительно опережает экономическую или кибернетическую теорию.

Ярким практическим доказательством этого является то, что не передача данных о свойствах товара или услуги, а создание их образа приносит большую прибыль в современной экономике. Сразу следует отметить, что распространенный в последние 3–4 года амбициозный тезис, что «большие данные — это новая нефть 21-го столетия» (European Parliamentary, 2020), в чистом виде не подпадает ни под передачу информации о товаре, ни под создание его нового образа. Речь идет о еще не до конца познанных полезных возможностях от анализа больших данных, которые, по нашему мнению,

становятся новым отдельным феноменом в цифровой экономике, но сейчас являются дискуссионными в части их преждевременной идеализации как «новой нефти».

Итак, создание образа — это творческое манипулирование знаками, символами и смыслами, а коммуникации — это по определению потоки символов и смыслов. То, что имеет вид информационного потока, является процессом создания образа. Такой подход дает ключ к пониманию характера современных технологических и социальных тенденций, объективно влияющих и на современные экономические отношения, укрепляя новые информационные рынки посредством тысяч и миллионов новых оферт и контрактов в цифровой форме. Сегодня формируется общество, в котором в человеческом поведении образы часто являются более важными, чем реальные поступки, вещи и ранее доказанные факты. Брендированный товар, то есть товар со специально улучшенным образом, продается лучше, чем небрендированный. В условиях массового производства в качестве объекта экономических отношений собственности выступает знак и образ с собственным социальным статусом, который, безусловно, по замыслу должен влиять на потребительское поведение других людей без упоминания о реальных свойствах соответствующего товара или услуги.

Из этого выделяется такой принципиально важный факт, что за последние пять–шесть лет значительное ускорение приобрели не только информационные технологии обработки и трансляции информации (большие данные, технологии распределенного реестра, искусственный интеллект, цифровые двойники и т. д.), но и симуляционные технологии. Речь идет о технологиях виртуальной реальности и дополненной реальности на основе интерактивности и человеческого субъективного восприятия, а также алгоритмической переработки определенных сенсорных данных в режиме реального времени. Вопреки тому, что эти две технологии уже сформировали несколько стремительно растущих рынков (в 2021 году потенциал их кумулятивного ежегодного прироста оценивался свыше 50%)

(Hi-Tech UA, 2021) и уже превысили 50 млрд долларов (Technavio, 2022), они в пределах сформированных в них виртуальных и социальных сообществ легко трансформируют социальные и экономические отношения внутри, а «архитекторами» этих экономических трансформаций точно являются не ученые или политики, а разработчики соответствующего программного обеспечения и соответствующие социальные сообщества участников и модераторов. Помимо футуристических гипотез даже в плоскости новейших «ответвлений» поведенческой (нейроэкономика и компьютерная симуляция) и эмпирической экономики сейчас нет научного объяснения тому, каким будет дальнейшее развитие таких экономических отношений с ежедневным охватом нескольких миллионов платежеспособных людей в мире.

Что же касается второго из выделенных выше ключевых объектов существующих экономических отношений — *финансового и денежного капитала и современных сфер его обращения*, — следует отметить, что происходит усиление обособленности такого капитала как объекта собственности, что глобально влияет на современные экономические отношения. Это стало возможно только благодаря крупному финансовому капиталу, разворачиванию информационных технологий и появлению глобальных корпоративно-сетевых рынков, особенно — внутри самых больших китайских и американских интернет-маркетплейсов и мобильных платформ. Это проявляется по нескольким направлениям.

1. Благодаря глобализации и распространению Интернета уже более 20 лет в нескольких небанковских высокотехнологических корпорациях сформировался крупный финансовый капитал в сфере международной торговли, а благодаря постиндустриализму у этого капитала появились ранее не виданные информационно-организационные и управленческие технологии. Это позволяет таким корпорациям не только эффективно достигать своих финансовых прибылей, но и создавать большие экономические пространства и даже быть «архитектором»

изменений в трансграничных и национальных экономических отношениях, параметрах и институтах. В итоге может осуществляться достаточно целостный контроль над экономическими процессами внутри таких больших экономических пространств.

2. Виртуализация финансового капитала посредством его перемещения в торговые интернет-площадки и сообщества для создания «виртуальных денег» — криптовалют и других необеспеченных виртуальных активов, — которые вместе создают фиктивные (неофициальные, непризнанные) и сугубо спекулятивные секторы финансовых транзакций, но в то же время все они вместе отдаленно напоминают родовые функции денег (Сохацкая, 2020). Учитывая значительные темпы развития этих секторов, можно уже говорить о трансформации реального финансового капитала в качественно новую сущность. Что же и как трансформируется в экономических отношениях?

Трансформируется содержание капитала как объекта собственности:

1) капитал становится более мобильным, чем остальные виды капитала, особенно в форме драгоценных металлов и любых ценных бумаг. Собственник может меняться почти мгновенно, обходя требования официальных финансовых регуляторов;

2) капитал практически теряет связь с конкретным лицом как собственником, сохраняя только форму собственности — частную. Вопрос точного соотнесения актива и собственника отдается на откуп собственника технологической инфраструктуры и выбранного (разработанного) им программного решения для идентификации;

3) как следствие — противоречия между новыми свойствами капитала и доступной информацией о нем и его собственнике приводят к тому, что неизменно сохраненная частная собственность на такой капитал попадает в зависимость от формальных и виртуальных правил, которые могут существенно отличаться от национального и международного законодательства. В глобально-

виртуальных средах обращения «виртуальных денег» и особенно криптовалют исчезают любые материально-производственные и личные связи собственников с реальными объектами — как материальными активами, так и обычными нематериальными активами. Такие связи постепенно замещаются рейтингами и процессами, протекающими исключительно в компьютерных сетях. К тому же виртуальный капитал становится все более зависимым от качества информационной сети и сервисной информационно-технологической инфраструктуры;

4) это уже приводит к значительным глобальным деформациям в существующих экономических отношениях собственности и, что намного важнее, — в мотивах к производительному труду и в норме оценивания человеческого труда. Возникает риторический вопрос: зачем работать лучше и больше? Но этот вопрос выходит далеко за пределы данной статьи и нашего понимания «экономических отношений» в узком смысле.

Выводы. На основании проведенных выше исследований можно сделать следующие обобщенные выводы.

1. Современные трансформации экономических отношений вокруг собственности под влиянием цифровых технологий характеризуются качественными изменениями в материальном составе объектов присвоения собственности, а именно в субъект-объектных взаимосвязях. Состояние системы производительных сил и необходимые в этой системе способы присвоения результатов и факторов производства обуславливают структуру и содержание отношений собственности, и это является объективной взаимосвязью.

2. Кроме того, функционирование одного определенного объекта обеспечивается деятельностью все большего количества окружающих субъектов собственности, формирующих более разнообразные экономические и технологические причинно-следственные связи между ними. И наоборот, такое усложнение приводит и к тому, что экономические интересы одного субъекта

становятся зависимыми от наличия и состояния различных производственных объектов. Это означает, что постепенно ослабляется объектная характеристика собственности, а ее функциональное обозначение усиливается, то есть собственность постепенно обозначает не столько объект, сколько определенную организационную инфраструктуру (цифровую платформу) с унифицированными порядками поведения, в которой собственники имеют определенные права, обязанности и возможности.

3. В процессе разворачивания постиндустриальной и информационной экономики, а также существенного уточнения нормативно-правовой базы содержание отношений собственности меняется. Структура института собственности в цифровой и виртуальной экономике формируется как сложная многоуровневая система, постоянно пополняющаяся правовыми, институциональными и экономическими нормами. Одним из следствий этого является то, что постепенно новым фактором общественного развития выступают виртуальные активы (как имущество в цифровом виде).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. OECD. Summary of Discussion of the Hearing on Competition Economics of Digital Ecosystems. Annex to the Summary Record of the 134th Meeting of Competition Committee held on 1-3 December 2020 / OECD. Paris : OECD, 2020. 7 p. URL: [https://one.oecd.org/document/DAF/COMP/M\(2020\)2/ANN5/FINAL/en/pdf](https://one.oecd.org/document/DAF/COMP/M(2020)2/ANN5/FINAL/en/pdf).

2. Misic J. (2021). Ethics and governance in the digital age. *European View*. Vol. 20(2). P. 175–181. DOI: 10.1177/17816858211061793.

3. National Intelligence Council (2006). *Global Trends 2025: A Transformed World*. National Intelligence Council. 120 p. URL: https://www.dni.gov/files/documents/Newsroom/Reports%20and%20Pubs/2025_Global_Trends_Final_Report.pdf.

4. Мокій А. І., Павліха Н. В., Науменко Н. С., Дацко О. І. Інституціональне забезпечення інноваційного розвитку територіальних громад України. *Регіональна економіка*. 2018. № 4(90). С. 17–27. URL: http://re.gov.ua/doi/re2018.04.017_u.php.

5. Dunayev, I., Kud, A., Latynin, M., Kosenko, A., Kosenko, V., Kobzev, I. Improving methods for evaluating the results of digitizing public corporations. *Eastern-*

European Journal of Enterprise Technologies. 2021. No. 6/13 (114). P. 17–28. <https://doi.org/10.15587/1729-4061.2021.248122>.

6. Гладких Д. М. Банківська безпека держави в умовах розвитку інформаційної економіки (трансформації банківських операцій). Київ: НУОУ, 2019. 393 с. URL: https://niss.gov.ua/sites/default/files/2020-09/monograf_gladkikh_2019.pdf.

7. Юрчишин В. Чинники, складові і результати запровадження і реалізації антикризової політики в окремих країнах світу та Україні. Прогноз соціально-економічного розвитку України у 2021 р. / Наук. ред. В. Юрчишин. Київ: Заповіт, 2021. 200 с.

8. Пивовар П. Трансформація як соціально-економічний феномен. *Економіка і держава*. 2021. № 8. С. 91–91. DOI: 10.32702/2306 6806.2021.8.91.

9. Pisani-Ferry J. Global asymmetries strike back. Bruegel : Bruegel essay and lectures series. 2021. 73 p. URL: https://www.bruegel.org/wp-content/uploads/2021/08/Asymmetries_essay-2508-online.pdf.

10. Ожеван М. А., Дубов Д. В. Homo ex Machina. Філософські, культурологічні та політичні передумови формування конвергентного суспільства : моногр. Київ: НІСД, 2017. 272 с. URL: https://niss.gov.ua/sites/default/files/2018-01/HomoExMachina_druk-53c4b.pdf.

11. Stiglitz J. People, Power, and Profits: Progressive Capitalism for an Age of Discontent. New York: Columbia university press, 2019. 388 p.

12. Horvat D., Kroll H., Jäger A. Researching the Effects of Automation and Digitalization on Manufacturing Companies' Productivity in the Early Stage of Industry 4.0. *Procedia Manufacturing*. 2019. Vol. 39. P. 886–893.

13. Yanisky-Ravid S. Intellectual Property Laws in the Digital Era: An International Distributive Justice Perspective. *Intellectual Property, Innovation, and Global Inequality*. 2020. URL: ssrn.com/abstract=3822753 or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3822753>.

14. OECD Digital Economy Outlook 2020. Paris, 2020. 277 p.

15. OECD (2021a). Spurring growth and closing gaps through digitalization in a post-COVID world: Policies to LIFT all boats An OECD contribution to the G20 Italian Presidency 2021. URL: www.oecd.org/global-forum-productivity/events/Spurring-growth-and-closing-gaps.pdf.

16. OECD (2021b) Development Co-operation Report 2021: Shaping a Just Digital Transformation, OECD Publishing, Paris, 2021. URL: <https://doi.org/10.1787/9daec555-en>.

17. Бобровська О., Полянська Я. Генеза економічних відносин у територіальних громадах як ресурс їх розвитку. Державне управління та місцеве самоврядування, 2018, вип. 3(38). С. 107–115. URL: [www.dridu.dp.ua/vidavnictvo/2018/2018_03\(38\)/16.pdf](http://www.dridu.dp.ua/vidavnictvo/2018/2018_03(38)/16.pdf).

18. UNCTAD. The 'New' Digital Economy and Development / UNCTAD; #TN/UNCTAD/ICT4D/08, October 2017. New York : UNCTAD, 2017. 41 p. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tn_unctad_ict4d08_en.pdf.
19. Vial G. Understanding digital transformation: A review and a research agenda. *Journal of Strategic Information Systems*. 2019. No. 28 (2). P. 118–144. <https://doi.org/10.1016/j.jsis.2019.01.00>.
20. Лукашевич М. П. Соціологія економіки: підручник. Київ: Каравела, 2009. 280 с.
21. Haskel J., Westlake S. Capitalism without capital: the rise of the intangible economy. Princeton University Press, 2018. 278 p.
22. Savatier R. La théorie des obligations, vision juridique et économique (3 edtn.). Paris: Dalloz, 1974. 431 p. URL: www.persee.fr/doc/tiers_0040-7356_1967_num_8_31_2383_t1_0744_0000_2.
23. Kalenyuk I., Tsymbal L. Global Paradigm for Intellectual Leadership of Countries. *International economic policy*. 2020. № 1–2 (32–33). P. 7–25. DOI: 10.33111/iep.2020.32_33.01_eng. URL: http://iepjournals.com/journals_eng/32-33/2020_1_Kalenyuk_Tsymbal.pdf.
24. Kud A. Decentralized information platforms in public governance: reconstruction of the modern democracy or comfort blinding? *International journal of public administration*. 2021. DOI: 10.1080/01900692.2021.1993905.
25. Шабельник Т. В., Марена Т. В., Шабельник М. М. Сучасні підходи до типологізації світових фінансових криз. *Бізнес Інформ*. 2020. № 10. С. 6–13. URL: <https://doi.org/10.32983/2222-4459-2020-10-6-13>.
26. Dunayev I., Hotlib I., Olvinskaya J., Fomina O., Hrybova D., Olentsevych N., Popov Y., & Nosyriev O. Development of a system for statistical measurement of the influence of digital technologies on the efficiency of management. *Eastern-European Journal of Enterprise Technologies*. 2022. № 1 (13(115)), 49–58. URL: <https://doi.org/10.15587/1729-4061.2022.252911>.
27. Del Giudice, M., Scuotto, V., Garcia-Perez, A., & Petruzzelli, A. M. Shifting Wealth II in Chinese economy. The effect of the horizontal technology spillover for SMEs for international growth. *Technological Forecasting and Social Change*. 2019. No. 145. P. 307–316. doi.org/10.1016/j.techfore.2018.03.013.
28. Krausa S., Durstb S., Ferreirac J., Veigad P., Kailere N., Weinmanne A. Digital transformation in business and management research: An overview of the current status quo. *International Journal of Information Management*. 2022. Vol. 63. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0268401221001596/pdf?md5=a37eb84c9606319625746fd2a432b85d&pid=1-s2.0-S0268401221001596-main.pdf>.
29. IDC Reveals 2021 Worldwide Digital Transformation Predictions; 65% of Global GDP Digitalized by 2022, Driving Over \$6.8 Trillion of Direct DX Investments from

2020 to 2023 / IDC. Needham : IDC, 2020. URL: <https://www.idc.com/getdoc.jsp?containerId=prUS46967420>.

30. Girdzijauskas S., Štreimikiene D., Čepinskis J., Moskaliova V. et al. (2009) Formation of economic bubbles: Causes and possible preventions, *Technological and Economic Development of Economy*, 15:2, 267–280, DOI: 10.3846/1392-8619.2009.15.267-280.

31. Arrow K. J. The economics of agency. /J. Pratt and R. Zeckhauser (eds). *Principals and Agents*, Cambridge, MA: Harvard Business School, 1985. С. 37–51.

32. Emami L. F. Schumpeter's Theory of Economic Development: A Study of the Creative Destruction and Entrepreneurship Effects on the Economic Growth. *Journal of Insurance and Financial Management*. 2021. Vol. 4, Issue 3. P. 65–81.

33. Schumpeter J. A. *The Theory of Economic Development: An Inquiry into Profits, Capital, Credit, Interest, and the Business Cycle* New York: OUP, 1961.

34. European Parliamentary (2020). Is data the new oil? Competition issues in the digital economy / European Parliamentary. Brussels, 2020. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/646117/EPRS_BRI\(2020\)646117_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/646117/EPRS_BRI(2020)646117_EN.pdf).

35. Hi-Tech UA. Об'єм ринка AR/VR-устройств к 2025 году вырастет почти в 10 раз / Hi-Tech UA. URL: <https://hi-tech.ua/obyom-rynka-ar-vr-ustrojstv-k-2025-godu-vyrastet-pochti-v-10-raz/>.

36. Technavio (2022). Technavio Forecasts Worldwide Augmented Reality (AR) Market to Reach USD 108.57 Billion between 2020 and 2025. URL: www.prnewswire.com/news-releases/technavio-forecasts-worldwide-augmented-reality-ar-market-to-reach-usd-108-57-billion-between-2020-and-2025--301463188.html.

37. Сохацька О., Кухтин О. Сучасні тенденції віртуалізації світового фондового ринку. *Вісник Тернопільського нац. екон. ун-ту*. 2020. Вип. 4. С. 77–91. DOI: <https://doi.org/10.35774/visnyk2020.04.077>.